

Одна и та же страсть у разных людей проявляется по-разному. Женщина может понравиться нескольким мужчинам чертами иной раз противоположными: один полюбит ее за ум, другой — за добродетель, третьему, напротив, милы ее недостатки и т.д. А случается и так, что все любят в ней свойство, которого она лишена, скажем, постоянство, хотя на деле эта женщина ветрена. Но это не имеет значения: человек влюблен в созданный им самим образ; только ему, а не легкомысленной женщине, он предан всем сердцем. Я постоянно встречаю в свете людей, которые из множества незнакомых женщин — скажем, во время мессы или проповеди, — выбирают одну-единственную, при том, даже на собственный вкус, не самую красивую. Чем это объяснить? А тем, что красота каждой женщины отмечена чертами ее характера, и мы предпочитаем ту, чей характер будит в нас самый живой отклик. Значит, мы чаще всего выбираем женщину за ее характер, значит, ищем в ней ее душу, и никто не переубедит меня в этом. Итак, все, что открыто предстает нашим чувствам, нравится нам лишь как символ того, что от них сокрыто; итак, мы любим внешние качества лишь за наслаждение, которое они нам доставляют, но главное для нас — качества внутренние, отраженные во внешних; итак, мы имеем право сказать, что всего сильнее нас привлекает душа. Но душа доставляет радость не чувствам, а разуму; таким образом, его интересы берут верх над прочими, и если чувства им противоречат, мы жертвуем чувствами. Нужно только убедиться, что противоречие и впрямь существует, что тут затронута душа. Такова чистая любовь.

Люк де Кляпье де Вовенарг. Из «Введения в познание человеческого разума»

Мне совестно, что у вас сложилось такое мнение обо мне. Я отнюдь не всегда был только томным воздыхателем. Расскажи я кое-какие случаи из времен моей молодости, вы убедились бы, что они не слишком-то благовидны и вполне в духе светского общества.

Любовь лишь тогда достойна этого названия, когда к ней не примешиваются посторонние чувства, когда она живет только собою и собою питается.

Всякий раз, когда я вижу женщин, да и мужчин, слепо кем-то увлеченных, я перестаю верить в их способность глубоко чувствовать. Это правило меня еще ни разу не обмануло.

Любовь — как прилипчивая болезнь: чем больше ее боишься, тем скорее подхватишь.

Влюбленный человек всегда силится превзойти самого себя в приятности, поэтому влюбленные большей частью так смешны.

Иная женщина способна испортить себе жизнь, погубить и опозорить себя в глазах общества — и все это ради любовника, которого она тут же разлюбит из-за того, что он плохо счистил пудру, некрасиво подстриг один ноготь или надел чулки на выворот.

Гордое и благородное сердце, испытывавшее сильные страсти, избегает и страшится их, но не снисходит до любовных интрижек; точно так же сердце, ведавшее дружбу, не снизойдет до низменных, корыстных отношений./

На вопрос, почему женщина выставляет напоказ свои победы над мужчинами, можно дать много ответов, и почти все они оскорбительны для мужчин. Правильный же ответ таков: у нее просто нет другого способа понаслаждаться своей властью над сильным полом.

Женщины не очень знатные, но одержимые надеждой или манией играть роль в высшем обществе, лишены и естественных радостей, и радостей, даруемых мнением света. На мой взгляд, это самые несчастные существа на земле.

Свет сильно принижает даже мужчин, а уж женщин ввергает в полное ничтожество.

Женщинам свойственны прихоти, увлечения, иногда склонности; порою они даже способны возвыситься до настоящей страсти, но преданность им почти недоступна. Они взывают к нашим слабостям и безрассудству, но отнюдь не к нашему разуму. С мужчинами их связывает телесное притяжение, а никак не сродство душ, сердец, натур. Доказательством этому служит их равнодушие к мужчинам за сорок, присущее даже тем из НИХ, что сами не моложе. Приглядитесь повнимательней, и вы обнаружите, что, оказывая предпочтение мужчине зрелого возраста, женщина всегда действует под влиянием какого-нибудь низменного расчета — из корысти или тщеславия. Что касается исключений, то они, как известно, лишь подтверждают правило или даже придают ему силу закона. Добавим, что здесь совсем неуместна поговорка: «Кто слишком рьяно доказывает свою правоту, тот никогда ничего не докажет».

Любовь покоряет нас, воздействуя на наше самолюбие. В самом деле, как противостоять чувству, которое умеет возвыситься в наших глазах то, чем мы обладаем, вернуть то, что нами утрачено, дать то, чего у нас нет?

Когда мужчину и женщину связывает непреоборимая страсть, мне всегда кажется, что, какие бы препятствия ни разлучали их — муж, родня и т.д., — все равно любовники созданы один для другого самой природой, что они принадлежат друг другу по божественному праву, вопреки всем людским законам и предассуждениям.

Отнимите у любви самолюбие — и что же останется? Почти ничего! Очистите ее от тщеславия — и она уподобится выздоравливающему человеку, который от слабости еле волочит ноги.

Любовь в том виде, какой она принята в нашем обществе, - это всего лишь игра двух прихотей и соприкосание двух эпидерм.

Желая звать вас к какой-нибудь женщине, вам иногда говорят: «Ее нельзя не полюбить!» Но я, быть может, вовсе этого не желаю! Лучше бы уж мне сказали: «Она не может не полюбить!», ибо люди в большинстве своем не столько хотят испытать любовь, сколько ее внушить.

По тому, как самолюбивы женщины пожилые, которые уже никому не нравятся, можно судить, каково было их самолюбие в молодые годы.

«Мне кажется, — говаривал господин де *, — что благосклонности женщины в общем приходится добиваться как приза на состязаниях, только достается этот приз отнюдь не тому, кто любит или достоин ее любви».

Беда молодых женщин, равно как и монархов, в том, что у них не может быть друзей. По счастью, ни те, ни другие не понимают этого: одним мешает тщеславие другим — спесь.

Говорят, что в политике победа остается вовсе не за мудрецами; то же можно сказать и о волокитстве.

Забавно, что не только у нас, но и у некоторых древних народов, чьи нравы были первобытны и близки к природе, выражение «познать женщину» означало «переспать с ней», словно без этого ее до конца не узнаешь! Если это открытие сделали патриархи, они были людьми куда более искушенными, чем принято считать.

В войне женщин с мужчинами последние обладают немалым перевесом: у них в запасе девки.

Любовь, даже самая возвышенная, отдает вас во власть вашим собственным страстишкам, а брак — во власть страстишкам вашей жены: честолюбию, тщеславию и всему прочему.

Будь вы тысячу раз милы и порядочны, любите вы совершеннейшую из женщин, все равно вам придется прощать ей либо вашего предшественника, либо преемника.

Быть может, чтобы вполне оценить дружбу, нужно сперва пережить любовь.

Мужчины живут в мире с женщинами точно так же, как европейцы с индусами: это вооруженный мир.

Чтобы связь мужчины с женщиной была по-настоящему увлекательна, их должны соединять наслаждение, воспоминание или желание.

Одна умная женщина бросила мне как-то фразу, которая, возможно, проливает свет на природу слабого пола: «Когда женщина выбирает себе любовника, ей не так важно, нравится ли он ей, как нравится ли он другим женщинам».

Госпожа де * посидела уехать вслед за своим любовником в Англию, чтобы доказать великую свою нежность к нему, хотя никакой нежности не испытывала. В наши дни люди бросают вызов общественному мнению из страха перед ним.

Я знавал когда-то человека, который перестал волочиться за певичками, потому что, по его словам, они оказались такими же лицемерками, как порядочные женщины.

Повторение одних и тех же слов может наскучить нашим ушам, уму, но только не сердцу.

Чувство будит в нас мысль — с этим все согласны; но вот с тем, что мысль будит чувство, согласятся далеко не все, а ведь это не менее правильно!

Что такое любовница? Женщина, возле которой забываешь то, что знал назубок, иными словами, все недостатки ее пола.

Прежде любовные интриги были увлекательно таинственны, теперь они увлекательно скандальны.

Любовь, по-видимому, не ищет подлинных совершенств; более того, она их как бы побаивается: ей нужны лишь те совершенства, которые творит и придумывает она сама. В этом она подобна королям; они признают великими только тех, кого сами и возвеличили.

Естествоиспытатели утверждают, что у всех видов животных вырождение начинается с самок. Философы вполне могут применить этот вывод к нравам цивилизованного общества.

Общение с женщинами завлекательно тем, что в нем всегда есть множество недомолвок, а недомолвки, стеснительные или, во всяком случае, докучные между мужчинами, весьма приятная приправа в отношениях мужчины с женщиной.

Существует поговорка, что самая красивая женщина не может дать больше, чем имеет. Это кругом неверно: она дает мужчине решительно все, чего он от нее ждет, ибо в отношениях такого рода цену получаемому назначает воображение.

Непристойность и бесстыдство неуместны в любой философии — как в той, что проповедует наслаждение, так и в той, что требует воздержания.

Читая священное писание, я в нескольких местах заметил, что, упрекая род людской в неистовстве и преступлениях, автор всякий раз говорит «сыны мужей», а бичуя глупость и слабодушие, он обращается к «сынам женщин».

Мужчина был бы слишком несчастен, если бы, будучи с женщиной, он хоть сколько-нибудь помнил то, что прежде знал назубок.

Природа, наделив мужчин неистребимой склонностью к женщинам, видимо, предугадывала, что, не прими она этой меры предосторожности, презрение, внушаемое женским полом, в особенности его тщеславием, послужило бы серьезным препятствием к продолжению и размножению рода человеческого.

«Мужчина, который мало имел дела с девками, ничего не понимает в женщинах», — с серьезным видом говорил мне человек, который был без ума от своей неверной жены.

И в браке, и в безбрачии есть свои недостатки: из этих двух состояний предпочтительней то, которое еще возможно исправить.

Любовникам довольно нравиться друг другу своими привлекательными, приятными чертами, но супруги могут быть счастливы лишь в том случае, если связаны взаимной любовью или хотя бы подходят один к другому своими недостатками.

Любовь приятнее брака по той же причине, по какой романы занимательнее исторических сочинений.

Сперва любовь, потом брак: сперва пламя, потом дым.

Из всех рассуждений о браке и безбрачии всего разумней и справедливей следующее замечание: «Что из двух ни выберешь, все равно пожалеешь». В последние годы жизни Фонтенель жалел о том, что не женился: он забыл, что прожил девяносто пять лет, не зная забот.

Удачен лишь разумный брак, увлекателен лишь безрассудный. Любой другой построен на низменном расчете.

Женщину выдают замуж прежде, чем она успевает чем-то стать. Муж — это своего рода мастеровой, который не дает покоя ее телу, обтесывает ум и начерно шлифует ДУШУ.

В высшем обществе брак — это узаконенная непристойность.

Мы были свидетелями того, как люди из высоких сфер, именуемые порядочными, от души радовались счастью мадамусель *, совсем юной девушки, прелестной, остроумной и целомудренной, которая удостоилась чести стать супругой М*, старика насквозь прогнившего, отвратительного, бесчестного, тупого, но богатого. Что лучше характеризует наш век во всей его гнусности, чем подобный повод для радости, чем нелепость этого ликования, чем такое попрание всех основ естественной нравственности?

Положение женатого человека несносно тем, что муж, будь он тысячу раз умен, оказывается лишним повсюду, даже в собственном доме: безмолвствуя, он всегда докучен; говоря очевиднейшие вещи, смешон. Только любовь жены может хотя бы отчасти избавить его от этих неприятностей. Поэтому М* и твердил своей жене: «Дорогая моя, помогите мне не быть смешным!».

Развод у нас до того в порядке вещей, что во многих домах он ежедневно почивает в супружеской постели между мужем и женой.

Женская страсть такова, что и самому порядочному мужчине приходится выбирать между ролью супруга или чичисбея, распутника или кастрата.

Наихудший из неравных браков — это неравный брак двух сердец.

Мужчине мало быть любимым: он хочет, чтобы его оценили, а оценить могут лишь те, кто на него похож. Потому-то на свете и не существует любви, вернее, потому она так недолговечна между двумя существами, одно из которых ниже другого. Дело тут не в тщеславии, а в естественном самолюбии; попытка же лишить человека самолюбия бессмысленна и обречена на неудачу. Тщеславие — свойство натур слабых и порочных, тогда как разумное; самолюбие присуще людям вполне порядочным.

Женщины отдают дружбе лишь то, что берут займы у любви.

Дурнушка, властно притязающая на успех, похожа на нищенку, которая требует милостыни.

Мужчина охладевает к женщине, которая слишком сильно его любит, и наоборот. Видимо, с сердечными чувствами дело обстоит как с благодеяниями: кто не в состоянии отплатить за них, тот становится неблагодарным.

Та женщина, которая ценит в себе не столько красоту, сколько свойства души и ума, на голову выше других женщин; та, что больше всего ценит красоту, похожа на всех своих сестер, а та, что свою знатность или титул ценит больше, чем даже красоту, ниже других женщин, да, пожалуй, и не женщина вовсе.

В женском мозгу, видимо, на одно отделение меньше, а в сердце — на одно чувство больше, чем в мозгу и сердце мужчины. Без этого особого устройства женщины не могли бы растить, выхаживать и холить детей.

Природа вверила материнской любви сохранение всех живых тварей на земле и, чтобы вознаградить матерей, подарила им радости и даже горести этого упоительного чувства.

Любовь — единственное чувство, в котором все истинно и все лживо; скажи о ней любую нелепость — и она окажется правдой.

Когда влюбленный жалеет человека здравомыслящего, он напоминает мне любителя сказок, который зубоскалит над теми, кто увлекается историческими сочинениями.

Любовь — это рискованное предприятие, которое неизменно кончается банкротством; кто им разорен, тот вдобавок еще и опозорен.

Вот один из лучших доводов против женитьбы: окончательно оболванить мужчину может только одна женщина — его собственная жена.

Встречали вы когда-нибудь такую женщину, которая, обнаружив, что кто-то из ее знакомых домогается другой женщины, поверила бы, что он получит отказ? Отсюда ясно, какого они мнения друг о друге. Выводы сделайте сами.

Как бы плохо мужчины ни думали о женщинах, любая женщина думает о них еще хуже.

Иной мужчина обладает всеми качествами, нужными, чтобы подняться над мелочными уловками, принижающими человеческое достоинство; но стоит ему жениться, или завести любовницу, как он сразу опускается до соображений, его недостойных: брак или любовная связь, словно проводник, указывает ничтожным страстишкам путь к его сердцу.

Я встречал в свете и мужчин, и женщин, которые искали не ответного чувства, а ответного действия; более того, они отказались бы и от действия, если бы оно порождало чувство.

Никола Себастьян де Шамфор. Из «Максим и мысли, афоризмов и анекдотов». Глава VI. О ЖЕНЩИНАХ, ЛЮБВИ, БРАКЕ И ЛЮБОВНЫХ СВЯЗЯХ

Когда природе понадобилось сотворить существо, подходящее мужчине по физическому своему облику и ребенку — по нравственному, она решила задачу, сделав женщину большим ребенком.

Любовь — это мелкая кража, которую удастся совершить природному порядку вещей у порядка общественного.

Любовь, которая живет среди бурь и порою возрастает на лоне предательства, не всегда способна выдержать безоблачную погоду верности.

Почему любовь всегда так недовольна собой, а себялюбие — так довольное? Да потому, что первая только тратит, а второе только приобретает.

Молодые люди ведут себя с женщинами как робкие богачи, а старики — как наглые нищие.

Невинную девушку растлевают бесстыдными речами, женщине легкого поведения кружат голову почтительной любовью: в обоих случаях — неизведанным плодом.

Ничто убедительней не доказывает, сколь мало человек уважает себе подобных, как произвольное пренебрежение, проявляемое им к актерам и вообще ко всем, кто служит его забавам и наслаждениям; вот почему мужчина чаще всего оправдывает пренебрежение к женщине тем, что обладал ею

Самолюбие в любви или несчастьях — всегда неловкий проситель: оно говорит о себе там, где надо говорить о любимом предмете; о своих заслугах там, где надо восхвалять оказанные благодеяния.

Любовь — порождение двух существ, чающих друг от друга одинакового наслаждения.

С точки зрения социальной в любви разумно, быть может, только одно — то, что она безумна.

Почему мы предпочитаем иметь зятем дурака с именем положением, а не человека умного? Да потому, что преимущества первого можно с ним разделить, тогда как преимущества второго — неотчуждаемы: герцог делает свою жену герцогиней, умный человек не сделает ее умной женщиной.

Антуан де Ривароль. Избранные высказывания.

Приведено по:

«Размышления и афоризмы французских моралистов XVI-XVIII веков».

М.: Художественная литература. 1987